

Т. Г. Паникаровская

**АРХАИЧЕСКИЕ ФОРМЫ В ВОЛОГОДСКИХ
НАРОДНЫХ ГОВОРАХ**

В данной работе использованы материалы, собранные диалектологами Вологодского педагогического института в 80 населенных пунктах, расположенных преимущественно в восточных районах Вологодской области.

В вологодской группе говоров севернорусского наречия в нейтральном (обиходно-бытовом) стиле диалектной речи сохраняются как особенности морфологической системы некоторые языковые явления из числа тех, которые характеризовали древнерусский (общевосточнославянский) язык, являясь некогда общенародными. В настоящее время эти явления, не имея общенародного распространения, носят специфически диалектный характер.

К такого рода явлениям относим следующее.

В значении множественного числа в обследованных говорах отмечены формы существительных, имевших в древнерусском языке собирательное значение. Прилагательные, неличные местоимения, глаголы употребляются в сочетании с упомянутыми существительными в форме множественного числа. Например: *«волосьё худыё жидкиё»*, *«лисьё опадут»*

и т. п. Широкое распространение собирательных существительных в значении множественного числа в вологодских говорах неоднократно отмечалось исследователями (О. Брок, В. Мансикка, Шайтанов, М. Н. Бувальцева).

Обследованные говоры знают также согласование прилагательных, неличных местоимений и глаголов с существительными с собирательным значением и в единственном числе. Например: *«деверьё всё да золоушка»*.

К собирательных существительным восходят в изучаемых говорах формы имен. пад. мн. ч. с флексией *-а*, которой предшествует элемент «йот»: *«каменя, кузовья, стебелья»* и т. п. Эти формы обозначают множественное число предметов, представленных в большом количестве, и являются, как известно, древними.

Существительные *«мать»*, *«дочь»*, принадлежавшие некогда к склонению с основой на согласный, сохраняют в вологодских говорах архаические формы имен. и вин. падежей ед. ч.: *«мати, дочи; матерь, дочерь»*. Названные формы свойственны, по-видимому, сравнительно немногим вологодским говорам. Большинство говоров сохраняет архаическую форму только в имен. падеже. В вин. пад. ед. ч. наблюдается форма *«мать»*. Таковы, например, некоторые говоры Тотемского района.

Значительно число говоров, где как в имен., так и в вин. пад. ед. ч. употребляются формы *«матерь»*, *«доч(ц)ерь»*, т. е. унификация форм имен. и вин. падежей ед. ч. осуществилась на основе формы вин. падежа. Таковы, например, некоторые говоры Кич-Городецкого района из числа восточных, а также некоторые говоры Белозерского района.

В ряде говоров, наоборот, как в имен., так и в вин. пад. ед. ч. наблюдаются формы *«мати»*, *«дочи»* (*«доци»*), т. е. унификация осуществилась на основе старинной формы именит. падежа. Такую картину мы наблюдаем, например, в Сокольском районе.

Среди обследованных говоров встречаются и такие, где как в именит., так и в вин. пад. ед. ч. употребляются параллельные формы: *«мать—матерь; доць — доцьерь»* (например, Тотемский район).

В ряде вологодских говоров формы имен. пад. ед. ч. упомянутых существительных еще более разнообразны, а именно: *«мати, дочи»* (архаическая форма имен. пад.), *«матерь, дочерь»* (старинная форма вин. пад.), и, наконец, формы

«*мать, дочь*» (новая форма, возникшая из форм «*мати, до-чи*» (Сокольский район).

В некоторых говорах старинные формы «*матерь, дочерь*» зафиксированы только в вин. пад. ед. ч., где они употребляются параллельно с формами «*мать, дочь*»; в имен. пад. ед. ч. представлена форма «*мать, дочь*» (Бабушкинский район). Аналогичную картину наблюдал в прошлом О. Брок в говорах юго-западной части б. Тотемского уезда.

Таким образом, вологодские говоры обнаруживают заметную тенденцию к замене архаических форм им.-вин. пад. ед. ч. сущ. «*мать, дочь*» новыми с нулевой флексией (без паразитизма). Влияние литературного языка, несомненно, способствует утверждению новых форм и ускоряет его. В разных говорах представлены разные ступени этого процесса.

Повсеместно в обследованных говорах бытуют в речи старшего поколения наряду с литературными старые формы род. пад. ед. и мн. числа существительного «*день*» — «*дни*», «*дён*».

В ряде вологодских говоров (например, в б. Кубено-Озерском, и в б. Чебсарском районах) отмечено архаическое употребление формы имен. пад. мн. числа существительного «*рубль*» в сочетании с числительными «*три*», «*четыре*»: «*три, четыре рубли*».

В вологодских говорах до сих пор употребляются с нулевым окончанием род. пад. мн. числа некоторые существительные муж. рода из числа тех, которые в современном русском литературном языке имеют флексию *-ов*. Таковы слова «*зуб*», «*орех*». Форма «*зуб*», по данным С. П. Обнорского, распространена повсеместно как в севернорусских, так и южнорусских говорах.

Некоторые существительные муж. рода с односложными основами упорно сохраняют архаическую флексию *-е* в предложном падеже ед. ч. Например: «*в лисе*» (= «*в лесу*»), «*в прошлом годе*», «*в хлеве*», «*в (на) пруде*», «*во шкаф(п)е*», «*на боке*», «*в угле*».

Существительное «*дом*» сохраняет в вологодских говорах большую, чем в литературном языке, связь со старым типом склонения (основы на *й). Это выражается в том, что предл. пад. ед. ч. употребляется почти исключительно с ударяемой флексией *-у*: «*в дому*», а имен. пад. мн. ч. — с флексией *-ы*: «*домы*».

В ряде говоров (например, в Кич.-Городецком районе) наряду с литературной, сохраняется архаическая форма род.-вин. падежа ед. числа личного местоимения первого лица: «*мене*». Форма род.-вин. личного местоимения второго лица и возвратного местоимения имеет в этих говорах флексию *-а* и гласный *о* в основе: «*тобя, собя*». В дат. и предл. падежах ед. ч. в этих же говорах личное местоимение второго лица и возвратное местоимение сохраняют архаические формы с гласным *о* в основе: «*тобе, себе*». Эта особенность, как известно, характерна главным образом для южнорусских говоров, в говорах же севернорусских она наблюдается лишь спорадически.

В некоторых говорах из числа обследованных, в частности, чебсарских, вожегодских отмечены краткие формы вин. падежа ед. ч. личных местоимений первого и второго лица ед. ч. и возвратного местоимения: «*мя*», «*тя*», «*ся*», восходящие, возможно, к древним энклитическим формам.

Полные прилагательные женского рода, а также неличные местоимения имеют в обследованных говорах, наряду с флексиями *-ой, -эй*, архаические флексии *ыйо, ийо* (*ыйэ, ийэ*). Последние, являясь чаще безударными, отмечены преимущественно в речи старшего поколения. (Например: «*свежийо соломки*; «*из белыйэ муки*»).

Изредка в вологодских говорах сохраняются архаические именные формы косвенных падежей относительных прилагательных в функции определения. Например: «*рыбья жыру*», «*смужову сторону*»). Сохранение подобных форм свидетельствует о том, что процесс утраты именными прилагательными форм склонения, начавшийся в древнерусском языке в XII—XIII веках, не завершился окончательно, по-видимому, до сих пор.

Характерной особенностью многих вологодских говоров является сохранение старых форм второго лица ед. ч. настоящего времени нетематических глаголов «*ести*», «*дати*» с флексией *-си*: «*даси*», «*йиси*». Эти формы (а также формы с приставками) употребляются также в значении будущего времени и повелительного наклонения.

Спорадически в говорах Вологодской области (например, в говорах б. Чебсарского, Грязовецкого, Тотемского и других районов) сохраняется старинная форма сложного будущего времени глагола, образованная сочетанием инфинитива с формами вспомогательного глагола «*и му, имешь, имет*»

и т. д. (Например: «*иму стирать*», «*имете чай пить?*» и т. п.).

Архаический безударный суффикс *ти* обычно сохраняется в инфинитиве в том случае, когда ему предшествует согласный «с»: «*исти*», «*сести*», «*класти*» и т. п. Подобные формы инфинитивов на *-сти* распространены в вологодских говорах значительно шире, чем предполагал С. П. Обнорский.

Среди архаических особенностей вологодских говоров сравнительно немногочисленны те, которые свойственны большому количеству слов («открытый» класс). Таковы, например, флексии *-ыё, иё, ые, ие* в род. пад. ед. ч. полных прилагательных женского рода; формы существительных среднего рода с собирательным значением в значении множественного числа.

Преобладающими (из числа архаических), однако, являются в изучаемых говорах такие особенности, каждая из которых характеризует небольшой («закрытый») класс слов. Таковы, например, архаические формы существительных «*мать*», «*дочь*», архаические формы нетематических глаголов. Чаще всего архаические явления, будучи лексикализованными, обнаруживаются лишь в отдельных словоформах.

Параллельно со специфическими диалектными архаическими формами в наших говорах всегда наблюдаются формы, имеющие в настоящее время общерусское распространение. Архаические формы, употребляясь в нейтральном стиле диалектной речи, характеризуют преимущественно речь старшего поколения носителей говора и употребляются последовательно.